

Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН родился в 1947 году в городе Каменец-Подольский на Украине. Окончил индустриальный техникум, работал электромонтажником в Степногорске (Казахстан), служил в армии, закончил военное училище. Будучи командиром роты, с отличием прошёл курс обучения в Московском государственном заочном пединституте. Военную службу завершил в 1992 году командиром военно-строительной части. Работал энергетиком. В настоящее время работает учителем истории, руководит школьным музеем русской традиционной культуры.

Всерьёз литературным творчеством начал заниматься после службы в армии. Изданы поэтические сборники: «Да не престанет русский род» (2008), «Нечаянные строчки – лирика» (2011), «Святитель Филипп Московский» (2012) – книга, посвящённая значимым вехам русской православной истории, в которую вошли произведения крупной поэтической формы.

Один из победителей (2-е место) конкурса среди поэтов «Школы буковских лауреатов» в Милане в 2012 году (семинар Евгения Рейна); отмечен медалью имени А.С.Грибоедова МГО СПР; по итогам народного голосования МГО СПР назван одним из лучших поэтов России за 2012 год; победитель конкурса «По Чехову» в номинации «драматургия» (историческая драма в стихах «Феофан Прокопович»), проводимого Международной гильдией писателей в рамках фестиваля «Культурное лето в Хорватии» в 2013 году.

СТЕПНАЯ БЫЛЬ

(поэма)

Зной. Пустынна степь. Лишь в блеске
Опалённых солнцем трав,
Куст полыни в арабеске
Замер, голову задрал.

Даль сиза. Ни дуновенья.
Дремлет марево, дрожа.
Здесь, под этой вечной звенью
Не блуждают сторожа.

Солнца шар застыл в зените.
Нестерпим палящий гнёт.
Промелькнёт живую нитью
Змейка нервная. Скользнёт,

И опять ни шевеленья.
Только марево дрожит.
В ковылях неясной тенью
Встало время у межи.

В потаённой тихой пади,
В редколесье плещет ключ.
Ветерок почти прохладен,
Зной степной не так колюч.

Ручеёк журчит и сладок
Светлой влаги бочажок.
Пять стреноженных лошадок
Топчут пойменный лужок.

Запорожцы – сабли в ножнах –
Сев на корточках кружком,
Деловито, односложно,
Говорят. О чём? О ком?

Что здесь ищут люди вольны –
Сечевые казаки?
Ружьёца короткоствольны,
Шаровары широки.

Запивают понемногу
Кто изюм, кто курагу.
Отрядил их кто в дорогу
В пасть к закланному врагу?

По всему – дозор казачий
Оторвался далеко.
Отрядил их, не иначе,
Атаман – Иван Серко.

Где-то, в полупереходе,
Войско славное идёт.
Разговоров не заводит,
Песен звонких не поёт.

Буераком, балкой, быстро –
Чтоб нагрянуть невзначай;
Ведь молва – она как выстрел –
Всполошит – и ворочай.

Враг успеет оградиться,
Встретит дружную пальбой
И придётся воротиться,
Прихватив позор с собой.

Солнце за море упало,
В небе – зоркая луна.
Кто там скачет? Всё пропало!?
Тайна больше не нужна?

Казачок – дозорщик рьяный
Лошадь ловко осадил,
Соскочил и к атаману...
Но ничем не удивил.

По рядам, однако, шёпот:
«Подтянись, езжай быстрее».
Ночь короткая торопит
Сечевых богатырей.

Удальцов рассвет настигнет
У седого Сиваша.
Войско в диком скаке выгнет
Спину, месть свою верша

За потоптанные нивы,
За побитых немовлят¹
Кони скачут, вьются гривы,
Сабли острые свистят...

За сирот, за слёзы, стоны,
За погранье алтарей,
За народ, в полон сведённый, –
Получи своё, Гирей.

¹ Немовля (укр.) – младенец.

По набеговым канонам
Обратят в полымя, в дым,
Очумевший, полусонный,
Не готовый к смерти Крым.

Пролетят над гулкой твердью,
Разоряя кишлаки,
Разметав кибиток жерди,
Сечевые казаки.

Долетят до самой Кафы,
Гарнизон сметут в залив:
Получи-ка, хан лукавый
Урожай свинцовых слив.

Торг невольничий площадный
В исступленье разорят;
Мсть свою верша нещадно,
Все запоры отворят.

«Кто здесь, братья, православны?
Воля всем! Аль кто немой?
Кто крещён – выходи из плавней!
На ком крест – гайда домой!»

Полоняники рыдали
На груди у казакв;
В эйфории всё бросали,
Торопясь под отчий кров.

К Перекопу шли за войском
Бодрой гордою толпой;
Сердце гимн делам геройским
Пело в радости слепой.

Только было то веселье
С каждым шагом всё горшей.
Через день пришло похмелье –
«Нешто с паном хорошёй?»

С каждым шагом всё печальней
Становились лица их.
Оживлённый изначально
Гомон постепенно стих.

Беспросветной и забитой
Жизни возродился страх –
Призрак панщины забытой
Ужас пробудил в сердцах.

На Украину люблю ноги
Перестали их нести:
Пан жестокий, скарб убогий...
Для чего? Господь, прости!

Шли безмолвно, шли понуро.
С неохотою, но шли,
Бормоча: «Куда мы сдуру?
Мы своё давно нашли».

Вырванных из уз татарских
Шло, быть может, сотен пять,
Крепостных когда-то барских –
Казакáм их не понять.

Ведь по турецкому по своду –
Шесть лет плена, а потом...
Получай-ка, раб, свободу,
И трудись, и ладь свой дом.

Чем играть с судьбою злою –
Свой обряд перемени:
Просто стань перед муллою
И Аллаха помяни.

Хлебороб? – трудись на пашне;
В ремесле искусник? – правь
С толком дело. О вчерашнем
Позабудь. Строгай, буравь.

Крым – простор благословенный;
Заводи жену, детей,
И как подданный смиренный
Позабудь про свист плетей.

Перемену настроенья
Видит мудрый атаман.
«Что за странные сомненья?
Расспроси-ка их, Демьян».

Есаул к толпе подъехал,
О печалях расспросил.
Вот так блажь. Почти потеха.
Басурман им боле мил,

Нежели земля родная.
«А при вас ли, братцы, крест?
Может быть, тогда дознаю,
Где тот, рбдный вам, насест?»

«Православны все мы, пане.
Только (Господи, спаси!)
Нам вольготнее при хане,
Чем под ляхом на Руси»².

Есаул до кошевого,
Да с улыбкою кривой
Рассказал всё слово в слово.
Атаман стал сам не свой,

«Ну-ка, хлопцы, погодите.
Правду ль речёт есаул?
Правду!!! Не держу!! Идите!
Ворочайтесь в свой Стамбул!»

Из толпы угрюмой вышел
Хлоп костистый. Поклонясь,
Сиплым голосом, чуть слышно
Прохрипел: «Прости нас, князь».

² Русь – русские воеводства Речи Посполитой. Жители этих воеводств в те времена называли себя *рускими* (с одним «с»), не подозревая о том, что они украинцы. Так же их называли и поляки.

«Я не князь. Казак я вольный.
Атаман я кошевой.
Слышать мне такое больно,
Ну да слышу не впервой»!

Повернув коня, отъехал.
Чуб свой буйный уронил:
«Тьфу на них – одна помеха;
Войску нужен крепкий тыл».

Запорожский рыцарь славный –
Спас ли он, кого желал?
Неужели пот кровавый
Он напрасно проливал?

Сотни три простого люду
Побрели обратно в Крым.
Казаки такому чуду
Дивовались. Вольным, им

Сей исход с Руси сведённых
В годы злые христиан,
Из-под турчина спасённых,
Странен был. Никак дурман

Сатанинский их окутал.
Бог же с ними. Пусть идут,
Коли им неволя люта
Слаще тех же панских пут.

Войско шло безмолвно. Тяжко
Было на сердце у всех.
«Дал я, брат Демьян, промашку,
Дело я решил наспёх» –

Кошевой рванул поводья.
Птицей взвился на курган:
«Вы ж, бесовское отродье,
Наплодите басурман!» –

Он смотрел, как удалялась,
Торопясь назад, толпа.
Мысль жестокая рождалась;
Вспомнил тощего хлопа:

«Что ж ты, хлопче, сучий сыне,
Так неволю полюбил?
Кем же будешь ты отныне?
Чем же хан тебе так мил?

Не твои ли дети, внуки
Сядут вскоре на коней,
Приторочат к сёдлам вьюки –
Только ветер их вольней?

За полоном, за скотиной
Во чамбуле под мурзой
Поспешат на Украину
Чёрной тучей грозовой.

Будут грабить, жечь и резать,
Кровных братьев полонять...»
Порешил без гнева, трезво:
«Надо хлопов перенять».

За несчастными вдогонку
Поскакал большой отряд –
Про родимую сторонку,
Ох, сейчас поговорят.

Не хотел бы это знать я,
Сколько их кричало там:
«Пощадите, други, братья!!» –
«Вы уже не братья нам!»

Посекли без всякой злобы
Неслучившихся отцов:
Не плодили, значит, чтобы
Те для хана удальцов.

Воротились без доклада...
(Атаман и не спросил).
Вот и падь. Почти прохлада.
Надо бы набраться сил

И на Сечь поторопиться...
Славным выдался поход...
И, конечно, помолиться
За порубанный народ.

Чтец пред Богом невесёлый –
Справедливый атаман
Грех с тех пор понёс тяжёлый
За побитых христиан.

В старом храме, в Божьем страхе,
Со свечой пред алтарём,
Он стоит в простой рубахе,
Над раскрытым псалтырём.

Видит степь, где в странном блеске
Опалённых солнцем трав,
Куст полыни в арабеске
Замер, голову задрал.

Даль сиза. Ни дуновенья.
Дремлет марево, дрожа.
Здесь, под неумолчной звенью
Не блуждают сторожа.

Чьи-то косточки белеют.
Сколько их? Не перечеть.
Как давно лежат и тлеют?
Чей позор? А может – честь?

Солнца шар застыл в зените.
Нестерпим палящий гнёт.
Промелькнёт живую нитью
Змейка нервная. Скользнёт,

И опять ни шевеленья.
Только марево дрожит –
Ждёт добычи злое время
У неведомой межи.

2008

